

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.1

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА ЗАЩИТУ В СВЕТЕ РАЗЪЯСНЕНИЙ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Issues of Exercising the Right to Defence amid the Explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation

ВОЛТОРНИСТ Оксана Анатольевна – судья
Куйбышевского районного суда г. Омска, кандидат
юридических наук, доцент (Омск)

Voltornist Oksana A. – Judge of the Kuibyshevsky
District Court of Omsk, Candidate of Legal Sciences, As-
sociate Professor (Omsk)

voltornist.oa@omua.ru

Аннотация. В статье анализируются разъяснения Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве». Подробно исследуются прикладные аспекты отдельных положений указанного документа в свете уголовно-процессуального законодательства, оценивается их значение для судебной следственной практики.

The article analyzes the explanations of the Plenum of the Supreme Court No. 29 dated June 30, 2015 “On application of laws by the courts ensuring the right to defense in criminal proceedings”. The author details the applied aspects of certain provisions of the aforementioned document within the criminal procedure legislation and estimates their significance for the judicial and investigative practice.

Ключевые слова: право на защиту; разъяснения Пленума Верховного Суда РФ; лицо, обладающее правом на защиту; судебное разбирательство.

Right to defense, explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, the person entitled to right to defense, trial.

DOI: 10.19073/2306-1340-2016-2-56-59

Принципы уголовного процесса справедливо считаются важнейшими процессуальными гарантиями, обеспечивающими охрану прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в уголовно-процессуальные правоотношения [1, с. 66]. Среди них особое место занимает принцип обес-

печения подозреваемому и обвиняемому права на защиту, во многом предопределивший вектор реформирования российского уголовно-процессуального законодательства.

Следует отметить, что право на защиту всегда находилось в сфере самого пристального вни-

мания как законодателя, так и высших судебных органов страны. Здесь уместно вспомнить постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П по делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 47 и ч. 2 ст. 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (далее – УПК РСФСР) в связи с жалобой гр-на В. И. Маслова. Значение данного документа для российской следственной и судебной практики трудно переоценить. Конституционный Суд РФ в указанном постановлении сформулировал позицию относительно пределов действия права на оказание квалифицированной юридической помощи в рамках уголовного судопроизводства. Высший судебный орган страны подчеркнул, что право на получение юридической помощи адвоката гарантируется каждому лицу независимо от его формального процессуального статуса, в том числе от признания задержанным и подозреваемым, если уполномоченными органами власти в отношении этого лица предприняты меры, которыми реально ограничиваются свобода и личная неприкосновенность, включая свободу передвижения [4]. Тем самым еще в период действия УПК РСФСР Конституционный Суд РФ максимально расширил субъектный состав лиц, обладающих правом на защиту.

Обозначенная правовая позиция Конституционного Суда РФ была воспринята Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ). В ч. 3 ст. 49 УПК РФ определены процессуальные моменты, с которых защитник участвует в уголовном судопроизводстве. Согласно п. 6 указанной нормы защитник вступает в производство по делу с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении (то есть лица, не обладающего статусом подозреваемого или обвиняемого).

Кроме того, согласно ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ лицо, участвующее в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, обладает правом пользоваться услугами адвоката, о чем ему сообщается уполномоченными должностными лицами. Правовая неопределенность данной нормы состоит в том, что ее буквальное толкование свидетельствует о праве лица самостоятельно обеспечить участие адвоката на этапе доследственной проверки. Вместе с тем содержание п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ, а точнее само расположение нормы в ст. 49 «За-

щитник», позволяет усомниться в правильности обозначенного выше вывода. Системное толкование ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ и п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ порождает вопрос, имеющий концептуальное значение для всего уголовного судопроизводства: может ли лицо, в отношении которого проводится предварительная проверка, требовать предоставления ему защитника в порядке ст. 50 УПК РФ?

Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» (далее – Постановление) попытался разъяснить целый ряд злободневных вопросов реализации права на защиту, возникающих в судебно-следственной практике [3]. Вместе с тем уже самый поверхностный анализ указанного документа позволяет признать, что некоторые действительно актуальные проблемы были затронуты им фрагментарно.

Так, в пункте 1 Постановления подчеркивается, что обеспечение права на защиту является одним из принципов уголовного судопроизводства, действующих во всех его стадиях. Перечень лиц, обладающих правом на защиту, приведен в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда РФ и не связывается с формальным процессуальным статусом участника уголовного процесса. Правом на защиту, по мнению Пленума Верховного Суда РФ, обладает в том числе и лицо, в отношении которого осуществляются процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, затрагивающие его права и свободы, и любое иное лицо, права и свободы которого существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, свидетельствующими о направленной против него обвинительной деятельности. Вместе с тем о механизме реализации права на защиту на этапе предварительной проверки не сказано ни слова, что указывает на декларативность указанной позиции.

Классическое понимание права на защиту в уголовном судопроизводстве включает в себя необходимость разъяснения лицу его процессуальных прав и обеспечение возможности защищаться всеми не запрещенными УПК РФ способами и средствами, включая право воспользоваться услугами защитника, в том числе бесплатно. При этом защитник выполняет

в уголовном процессе строго определенную процессуальную функцию – функцию защиты. Участие же адвоката по уголовным делам преследует несколько иную цель. Адвокат осуществляет уголовно-процессуальное представительство интересов лиц, обратившихся к нему за юридической помощью (ч. 1 ст. 45, ч. 4 ст. 56, ч. 11 ст. 182 УПК РФ). Осуществление различных по своей природе процессуальных функций влечет за собой и различие в их процессуальном статусе, объеме процессуальных полномочий.

К сожалению, Пленум Верховного Суда РФ обошел этот действительно принципиальный вопрос стороной. Как справедливо отметили В. В. Николук и С. С. Безруков, «...разъяснения Верховного Суда РФ в части особенностей реализации права на защиту в стадии возбуждения уголовного дела обоснованно ожидалось, но ожидания участников правоотношений на этом этапе уголовного процесса не оправдались» [2, с. 29]. Представляется, что именно данное положение Постановления, в силу возможных злоупотреблений со стороны должностных лиц, в первую очередь нуждается в конкретизации. Кроме того, следует полностью согласиться с Т. В. Трубниковой в том, что в Постановлении четко не определены последствия нарушения или ограничения права лица на допуск к нему защитника (адвоката) [5, с. 35].

Уточнения, на наш взгляд, также требуют положения п. 6 Постановления, согласно которым при разрешении ходатайства обвиняемого (его защитника) о дополнительном ознакомлении с материалами дела для составления апелляционной жалобы суд должен выяснить, знакомил ли обозначенные участники по окончании предварительного расследования со всеми материалами дела и не были ли они ограничены в праве выписывать любые сведения и в любом объеме, за свой счет снимать копии с материалов дела. В случае удовлетворения ходатайства суд определяет срок для дополнительного ознакомления с учетом установленных обстоятельств. Вместе с тем ознакомление обвиняемого и его защитника с материалами дела по окончании предварительного расследования не в полном объеме, являясь нарушением права на защиту, может послужить основанием для возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ. Мониторинг правоприменительной практики свидетельствует об отсутствии единого подхода в решении данного вопроса, что

обуславливает необходимость соответствующих разъяснений со стороны Верховного Суда РФ.

Отдельно Пленум Верховного Суда РФ остановился на проблеме злоупотребления правом на защиту. Согласно п. 18 Постановления суд может не признать право обвиняемого на защиту нарушенным в тех случаях, когда отказ в удовлетворении ходатайства либо иное ограничение в реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника обусловлены явно недобросовестным использованием ими этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса. Действительно, в судебно-следственной практике нередки случаи умышленного затягивания производства по уголовному делу стороной защиты. Такое недобросовестное использование правомочий может повлечь крайне неблагоприятные последствия как для других участников судопроизводства, так и для уголовного дела в целом. В этой связи следует признать анализируемые разъяснения своевременными и полезными для правоприменительной практики. Вместе с тем, как справедливо отмечают В. В. Николук и С. С. Безруков, в Постановлении надлежало конкретизировать правовое значение непризнания права на защиту нарушенным для дальнейшего производства по делу [2, с. 30]. Представляется, что констатация факта явно недобросовестного использования правомочий стороной защиты должна влечь за собой принятие соответствующего процессуального решения, вплоть до признания доказательств, полученных на основании ходатайства стороны защиты и с ее активным участием, недопустимыми. Учитывая значимость рассматриваемых положений для обеспечения и защиты прав и интересов участников процесса, в Постановлении следовало бы конкретизировать, что может пониматься под явно недобросовестным использованием правомочий обвиняемого или его защитника и каковы юридические последствия установления судом данного негативного факта.

В заключение хотелось бы отметить, что разъяснения, данные Пленумом Верховного Суда РФ, безусловно, окажут положительное влияние на деятельность судебно-следственных органов в части обеспечения права лица на защиту и будут полезны для представителей стороны защиты. Вместе с тем нужно признать, что некоторые вопросы были затронуты в нем лишь частично, фрагментарно и требуют дальнейшей проработки.

Библиографический список

1. Деришев, Ю. В. Теоретические основы уголовно-процессуальных гарантий / Ю. В. Деришев, Ю. Г. Овчинников. – Омск : Ом. юрид. ин-т, 2012. – 180 с.
2. Николок, В. В. Концептуальные и прикладные вопросы постановления Пленума ВС РФ о применении норм о праве на защиту / В. В. Николок, С. С. Безруков // Уголов. процесс. – 2015. – № 8. – С. 26–33.
3. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: локальный.
4. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гр-на В. И. Маслова [Электронный ресурс] : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: локальный.
5. Трубникова, Т. В. Право на защиту: правовые позиции ЕСПЧ и их отражение в постановлении Пленума ВС РФ / Т. В. Трубникова // Уголов. процесс. – 2015. – № 8. – С. 34–45.